

КУЛЬТУРНЫЕ МИССИИ РЕГИОНОВ РОССИИ (на примере Урала и Сибири)

Изначально, с момента вхождения в состав Российского государства, Урал осознавал себя неотделимой частью России, ее «опорой», т. е. центральной, несущей составляющей. Это было определяющим концептом самосознания уральцев, мыслимого как особое предназначение — служение России. В отличие от Сибири, колонизирующейся в это же время, но геополитически тяготеющей к культурным мирам Центральной Азии и претендующей на автономизацию (теория «областничества» Г. Н. Потанина, Н. М. Ядринцева), Урал взял «на себя» миссию скрепы необъятного тела Отечества — его узловых регионов: Центрально-Поволжского и Сибирского; индустриального ядра в аграрной цивилизации России; узла Запада и Востока.

Термин «миссия» в современных справочных изданиях выражается в понятиях «предназначение», «стратегические установки», «ответственное задание», «стратегическое видение», «философия», «политика», «условия успешной деятельности» и т. д. В последнее время этот термин преодолевает матрицу управленческих наук и становится широко употребимым другими дисциплинами гуманитаристики. Исследователями отмечается, что в настоящем еще не выработаны универсальные правила формулировки «миссии», поэтому на практике существуют разнообразные подходы к

ее содержанию. В том числе, на наш взгляд, появилась необходимость в формулировке культурологического подхода к пониманию «культурной миссии», в частности, в современной регионалистике. Данная статья — попытка поразмышлять, на примере Урала и Сибири, о существующей разнице в понимании регионами своих культурных миссий в мегаядре России, об их исторической изменчивости, а также о необходимости существования единой стратегической метациели регионов как основы стабильности и устойчивости системы большего масштаба — Российского государства.

Проводя параллели со стратегическим менеджментом, можно утверждать, что *культурная миссия* регионов должна:

- указывать на *социокультурную сущность и назначение* региона как элемента некоей большей системы — страны и мирового сообщества, а культуры региона соответственно — как локального варианта национальной и мировой культур. Это свойство описывается понятием «миссия — предназначение»;

- говорить о *перспективах социокультурного развития региона*, т. е. иметь в виду «стратегическое видение» — взгляды региональных лидеров на специфику региона и, исходя из этого, определение ими долгосрочного курса его развития;

- формулировать *принципы* социокультурного развития, исходя из необходимости наиболее полного удовлетворения культурных (материальных, духовных и художественных) потребностей населения региона;

- говорить о *ценностных предпочтениях* жителей региона («миссия-ориентация»), диктуемых социально значимыми задачами, которые им приходится реализовывать;

- информировать о последних *политических установках* руководства регионов — заявлять о таком понятии, как «миссия-политика», которая концентрирует в себе набор основных целей социокультурного бытия региона как на ближайший период, так и на перспективу;

- детализироваться составляющими региона (области, районы, территории, города и т. д.), раскрывать их *назначение и установки в качестве подструктур* региона («миссия подструктур»).

В историческом контексте миссии российских регионов не являлись чем-то неизменным, хотя определенная заданность, фиксированность миссий в зависимости от конкретных условий (природно-ландшафтных, исторических, демографических, социальных и т. д.) всегда существовала. Культурные миссии регионов корректировались во времени и в пространстве, меняли свое содержание и логику развития в зависимости от процессов организации, дезорганизации и самоорганизации региона. Содержание миссий регионов могло размываться, быть неявным или, наоборот, обостряться, концентрироваться в переломные эпохи, коих было немало в отечественной и мировой историях. Но всегда, на наш взгляд, в основе культурной миссии лежала цементирующая идея, которая помогала самоопределению жителей регионов (столь различных по национально-этническому, демографическому, сословному, конфессиональному и т. д. составу), способствовала формированию их самосознания и культурной идентичности — это идея патриотической любви и/или уважения к русской национальной культуре, к ее корням и традициям.

Урал и Сибирь — два крупных макрорегиона России, имеющих немало точек сопряжения в вопросах их этнической истории, колониационного освоения, специфики культурного развития, претензии на особое место и роль в российском геопространстве, а потому часто исследуемых в разнообразных проблемах гуманитаристики в определенной связке: Урало-Сибирский регион.

Этническая мозаичность — одна из общих черт и Урала, и Сибири. Самобытная культура каждого из этих регионов есть результат созидательного куль-

туротворчества народов трех языковых общностей. Аборигенным считалось население Урала и Сибири, относящееся к финно-угорской группе (на Урале — это коми, мордва, мари, удмурты и т. д.; в Сибири — эвены, нанайцы, ульчи, орочи и т. д.; в обоих регионах значительную группу составляли ханты и манси). Переселившимися в более поздние эпохи были тюркские племена (на Урале — татары, башкиры, чувашаи и т. д.; в Сибири — буряты, якуты, коряки, татары, сойоты, кеты и прочие) и славянские народы (представители северо-средне- и южнорусских племен). Процессы этнической консолидации в обоих регионах шли с высокой степенью интенсивности, однако, в ряде случаев, для некоторых народов Сибири она не завершена и до сих пор.

Во многом схожими были и колониционные процессы на Урале и в Сибири. Русская колонизация обоих регионов имела два основных этапа: стихийный и государственный (со времен петровских преобразований). Решающими событиями при этом стали: походы Ермака 1581–1584 годов, реализация задач протекционистской политики Петра Великого, активная экспансия Российского государства как на запад, так и на восток, диктуемая ее геополитическими интересами. Русское освоение Сибири, по мнению В. П. Семенова-Тян-Шанского, по своим темпам и характеру почти не имело аналогов в мировой истории. Оно привело к быстрому и значительному преобладанию русских колонистов в составе азиатской страны (в среднем — свыше половины и на Урале, и в Сибири уже через три-четыре поколения землепроходцев). В обоих регионах русская колонизация носила очаговый характер: на Урале — «квантовая» концентрация

русских — в горнозаводской зоне (так, например, к рубежу XIX–XX веков доля русских в промышленной Пермской губернии составляла 9/10 населения, а в аграрной Уфимской — всего одну треть), в Сибири — в пределах южной полосы Западной Сибири, благоприятной для земледельческого освоения. В целом этносы Урала и Сибири, имевшие длительную историю контактов с русскими, в ходе государственной колонизации инкорпорировались в российское пространство значительно «плотнее» и органичнее, чем народы иноцивилизационных регионов и стран, присоединенных к Российской империи в XVIII — XIX вв.¹

Значительную роль в формировании самобытного духовного мира засельщиков новых, далеких от «Расеи» земель, сыграло православие, в частности, старообрядчество. Старообрядцы, основавшие свои поселения по всей территории Урала и Сибири, реализовали культурную миссию «собирания земли Русской» и «прирастания Российского могущества Сибирью и Ледовитым океаном». Старообрядчество здесь служило ревностным охранителем традиционных основ русской культуры, способствовало определенной консервации «архетипической матрицы» коллективного бессознательного (говоря словами К. Юнга) — «души» русской нации.

И Урал, и Сибирь обоснованно претендуют на «особую» идентичность в геокультурном ядре России. Для них характерно появление уникальных ветвей национальной культуры: региональных «уральской» и «сибирской» культур. Региональная культура — это специфический вариант общенациональной культуры, отличающийся по характеру функционирования, продуцирующий свой тип

личности, собственную систему социальных и хозяйственно-экономических связей и оказывающий обратное влияние на общенациональную культуру. И. Я. Мурзина отмечает, что «принадлежащие региональной культуре личности и произведенные в ее рамках артефакты становятся определенным образом маркированными: они получают статус атрибутов данной культуры. Не отрицая их национальной принадлежности (феномены русской культуры), они становятся еще и региональными репрезентантами. Это наличествует в личностных характеристиках (ср. закрепленные в обыденном сознании — "москвич", "петербуржец", "сибиряк", "донской казак") и в артефактах (камнерезное искусство как "визитная карточка" Урала)»².

В этой связи характерно высказывание известного сибирского краеведа А. Новоселова, в 1916 году утверждавшего, что «коренной сибиряк не представляет собой какой-либо особой ветви славянского племени, но нельзя оспаривать того, что все же он образует особый этнографический тип, созданный путем известного отбора», а принесенное им культурное наследие «преломилось под влиянием сибирской действительности и вылилось в новые формы, нередко значительно уклоняющиеся от основных»³.

Примерно в это же время профессор Пермского университета П. С. Богословский говорит об Урале как огромной географической единице со специфическими чертами самобытного «уральского мира» его населения⁴.

Формирование «особой», региональной идентичности у «засельщиков» Урала и Сибири можно рассматривать как проявление принципа эмерджентно-

сти — возникновения нового качества у синтеза элементов, каждый из которых этих качеств не имел. Жители-переселенцы на определенном историческом этапе стали ощущать себя «единством», характеризующимся не только общностью территории, хозяйствования, но и судьбы.

Однако, имея перечисленные общие черты, история Урала и Сибири показала и отличия: в частности, осмысление ими своих *культурных миссий* в мегаядре России. Важно отметить некоторую разницу в осознании «сибиряком» и «уральцем» своей исторической судьбы.

Неповторимая специфика Сибири заключалась в том, что, став неотъемлемой частью российского цивилизационного пространства, она в то же время геополитически и геоэкономически принадлежала Азиатскому региону и зонам влияния Китая, Японии, Кореи, культурных миров Востока. Генезис культурного регионализма в Сибири характеризовался, говоря словами Г. Н. Потанина, выдающегося русского географа и этнографа XIX — начала XX века, «областническими тенденциями». Да и другие «сибирские областники», в частности Н. М. Ядринцев, автор чрезвычайно популярной в свое время у сибирских интеллектуалов книги «Сибирь как колония» (1882), связывали перспективы развития Сибирского края с его *автономизацией*.

В Сибири этнокультурные процессы сопровождались интенсивной метиссизацией русских переселенцев и аборигенов. «Осибирячивание» приводило к значительной трансформации существенных черт русской культуры, иногда — к дезорганизации и деградации. Н. М. Ядринцев считал, что русское население,

находясь вдали от культурных центров, затрачивало огромные усилия для сохранения традиционной культуры, в результате чего в ряде случаев «даже независимо от инородцев, оно ... отступало от культуры и дичало»⁵. А. П. Чехов, путешествуя по Сибири по дороге на Сахалин, описал яркую картину бытующих здесь нравов. Устами встреченного им на одной из станций сибиряка, Петра Петровича, он говорит: «Народ здесь в Сибири темный, бесталаный. Из России везут ему сюда и полушубки, и ситец, и посуду, и гвозди, а сам ничего не умеет. Только землю пахет да вольных возит, а больше ничего... Даже рыбы ловить не умеет. Скучный народ, не дай бог какой скучный! ... Жалко смотреть, господин! Человек-то ведь здесь стоящий, сердце у него мягкое, он и не украдет, и не обидит, и не очень чтоб пьяница. Золото, а не человек, но, гляди, пропадает ни за грош, без всякой пользы, как муха или, скажем, комар»⁶. Интеллигентные ссыльные, по мнению писателя, не в состоянии улучшить культуру местного населения, так как «ведут жизнь замкнутую и скромную». Но, тем не менее, автор выражает надежду: «На Волге человек начал удалью, а кончил стоном, который зовется песнью; яркие, золотые надежды сменились у него немочью, которую принято называть русским пессимизмом, на Енисее же жизнь началась стоном, а кончится удалью, какая нам и во сне не снилась»⁷.

Подобная, уже не совсем «русская» культура, быстро получила привязку «сибирская», а затем, благодаря О. Шпенглеру, термин «русско-сибирская культура», наполнившись новым концептуальным смыслом, стал широко распространен в науке.

Урал же изначально осознавал себя неотделимой частью России, ее «опорой», т. е. центральной несущей составляющей. Это было определяющим концептом регионального самосознания уральцев, мыслимого как особое предназначение — *служение* России. Урал взял «на себя» миссию *скрепы* необъятного тела Отечества — его узловых регионов: Центрально-Поволжского и Сибирского; индустриального ядра в аграрной цивилизации России; *узла* Запада и Востока. Подобные дихотомии никогда не несли в себе дилеммы «или — или», это двухчастное единство целого. Вопреки известному изречению Киплинга «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и им не сойтись никогда», культура Урала явилась тем экспериментальным «полигоном», где «отрабатывалась» универсальная модель западно-восточного культурного синтеза. В отличие от иных вариантов подобного синтеза (дальневосточного, общероссийского) Урал реализовал менее драматичный, диалогический вариант.

На Урале, в силу большой плотности населения, не произошло «размывания» русской этничности. Здесь роль русской культуры как *реципиента* в процессе аккультурации более выражена. В качестве «донорских» элементов она обогащалась элементами иноэтничных культур многочисленных народов финно-угорской и тюркской этнических групп. В силу изначально сложившейся специализации Урала как «индустриального ядра» аграрной России, население его во второй половине XIX века характеризовалось высоким уровнем образованности (чего требовал высококвалифицированный труд на производстве), превышающей среднероссийские показатели. Г. Е. Корнилов приводит следующие

статистические данные: «Согласно Всероссийской переписи 1897 года, среди рабочих промышленности, строительства и транспорта грамотных было 42% (мужчин — 44%, женщин — 14%). Наибольший процент грамотных был среди работающих детей 13–14 лет (58%), а в более старших возрастных группах он постепенно снижался»⁸. Потребность быть на передовых рубежах технического прогресса приводила к росту общего уровня культуры уральского населения, по мнению ряда исследователей, — «беспрецедентно» для России конца XIX века.

Складывание особого регионального типа «уральца» проходит свою эволюцию. В начале русской колонизации он соответствует образу, представленному известным уральским исследователем А. И. Лазаревым: «Это сильный, сметливый, несколько суровый, сдержанный, вольнолюбивый человек, чаще всего из старообрядцев, но не очень-то богобоязненный, имеющий полуазиатскую—полуевропейскую внешность, по преимуществу русый, но с темными глазами и приподнятыми скулами, говорящий на хорошем русском языке, с большой примесью иноязычных и местных слов и в несколько убыстренном темпе»⁹. Уральский мастер этого периода запечатлен в сказах П. Бажова: Данила-мастер («Каменный цветок»), Степан («Хозяйка Горы Медной»), Иванко-Крылатко (из одноименного сказа), Митя («Хрупкая Веточка») — это люди определенного склада, творцы-художники в самом подлинном смысле слова. Их работа — это и служба и служение. Несмотря на исключительно опасные и тяжелые условия труда в горнозаводской промышленности, скудное материальное обеспечение, плохие жилищно-бытовые

условия, бесправие, обездоленность, уральские рабочие проявляли трудолюбие, высокую трудовую энергию, творческое отношение к труду, новаторство, «живинку во всяком деле».

В индустриальную эпоху рабочие стали считать себя неотъемлемой частью грандиозного горнозаводского хозяйства, относились к заводам как к национальному состоянию, к основе могущества страны, к источникам существования всего горнозаводского населения края. Они были горды своей причастностью к обеспечению экономической мощи и силы России и высоко оценивали свой труд на заводах Урала. «Ай, да вы, заводы, вы, мои заводы, раскирпичные, ай, да мы, работающий народ» — пелось в одной из песен уральских рабочих.

Тяжелые и опасные условия труда спланивали рабочих, развивали чувство товарищества, взаимовыручки, коллективизма. В трудовых коллективах формировались такие качества рабочих, как организованность, солидарность, интернационализм, особая пролетарская психология. Д. Н. Мамин-Сибиряк в своих статьях отмечал качества нижнетагильских рабочих: «Тагильского мастера вы узнаете из тысячи — это совершенно особый тип, выработанный на бойком промысловом месте. Одним словом — настоящая рабочая гвардия, — народ все рослый, здоровый... — встретите и невольно залюбуетесь... Лица смысленные, движения уверенные»¹⁰. Точную и конкретную характеристику уральскому характеру дает записка товарища прокурора по Нижнетагильскому участку: «Крайне тяжелая и ответственная работа... закалила местного горнорабочего, развила в нем сметливость и решительность («Огневая работа не думает», —

говорят здесь), а вместе с тем крепко сплотила рабочую массу, развив в ней чувство солидарности. ...Способный, самоуверенный и нервный, он привык надеяться на свои силы, при неудаче не раздражается»¹¹. По сравнению с крестьянством Сибири, рабочие Урала имели более высокий уровень грамотности и образованности, проявляли более высокую социальную активность, и уже в конце XIX века, наряду с работниками железных дорог, представляли серьезную политическую силу. С крепостнических времен в правительственных кругах и среди местных властей стойко держалось мнение о горнозаводском населении Урала как людях, напитанных «духом своеволия и неповиновения начальству».

Культурное пространство Урала, таким образом, имело одну отличительную особенность: оно было пространством «машинной рациональности», для которого характерна наукообразная картина мира и акцент на ценностях Просвещения. Важно отметить, что самобытная «уральская» культура имела ярко выраженную доминанту. «Визитной карточкой» Урала сразу же становится *горнозаводская* (индустриальная) культура. И хотя ею все содержание уральской культуры не исчерпывается (помимо Урала «промышленного» есть Урал «хлебопашенный», Урал «казацкий», Урал «купеческий» и т. д.), но, тем не менее, именно горнозаводская («индустриальная») культура определит легко узнаваемые, специфические, «единичные» черты региональной культуры Урала. Уральская культурологическая наука в последние годы значительно продвинулась в осмыслении региональной культуры Урала как уникального социокультурного феномена, продолжив

традиции «ураловедения» дореволюционной и советской эпох.

Сибирь превосходит Урал своей широтной протяженностью и территориальной масштабностью. Формирование ее культуры, как следствие этого, характеризовалось большей неоднородностью, без преобладания в ней какой-либо подобной доминанты. Сибирская культура в большей степени гетерогенна: можно говорить о ней как некоей совокупности микрорегиональных (локальных) культур, существенно отличных друг от друга (например, западно- и восточно-сибирские культуры). Вот почему, несмотря на продолжительную историю существования научных теорий, подобно «сибирскому областничеству», разработка единой методологической концепции изучения сибирской культуры — это вопрос будущего (есть надежда, что — недалекого).

XX век занимает особое место в контексте культурных миссий Урала и Сибири как макрорегионов России.

В XX веке значение Урала как «опоры Государства Российского» не просто сохраняется, но и усиливается: в условиях ускоренной индустриализации Урал — это край «тяжмаша» и «оборонки», где вера в возможности технического разума находит благодатную почву; в годы первых пятилеток — «всесоюзная лаборатория социалистического строя»; в годы Великой Отечественной войны — «опорно-тыловая база»; в 60–80-е годы — «бастион страны развитого социализма» и «атомный щит Родины». С 90-х годов прежняя мифологема об опорном крае трансформировалась в новую, звучащую как «Урал — всегда был, есть и будет становым хребтом российской государственности»¹². Всегда Урал и уральцы не просто жили в состоянии

постоянной мобилизованности, а *несли службу* своему Отечеству.

В Сибири же в начале XX века особый размах приобрели среди части сибирской интеллигенции, землевладельцев, казаков и промышленников сепаратистские устремления, что заметно повлияло на ход Гражданской войны в 1918 — 1921 гг. (создание директории в Омске и провозглашение Верховным правителем А. В. Колчака). Но и на исходе XX века партикуляристские тенденции вновь проявились в Сибири. В условиях открытой и рыночной экономики Сибирь, будучи обширным азиатским регионом, переориентировала свои связи на зарубежных соседей. Усилилось и культурное проникновение последних в сибирское пространство. В настоящем Сибирь традиционно позиционирует себя как «Азию», иногда сознательно противопоставляя себя Центральной России как «Московии», «европейской», а значит, несколько «иной» по своим традициям и культуре, примеры чему мы находим в многочисленных материалах и публикациях СМИ.

С 90-х годов XX века на фоне распада имперского государства, разрыва культурных связей между регионами нашей страны наступил период потери ими смысла былых культурных миссий. Усилившиеся процессы маргинализации в постсоветском обществе «размыли» значительные культурные пласты, нивелировали духовные ценности, наряду с экономическими причинами низвели на «нет» содержание культурных миссий большинства регионов России. Эти тенденции затронули и Урал с Сибирью. Однако подобный кризисный период характеризовался и тем, что в его недрах сформировались новые тенденции куль-

турного возрождения: выпукло обозначилась уникальная специфика, самобытность и неповторимость российских регионов. В настоящий период ясно, что время центробежных, сепаратистских устремлений регионов, в том числе в культурном ландшафте России, уходит в прошлое. Стало очевидным, что при приобретенной экономической и, в некоторой степени, политической самостоятельности, народонаселение регионов в первую очередь идентифицирует себя в контексте русской национальной культуры в качестве «материнской». Однако с сожалением приходится констатировать тот факт, что региональными властями не всегда грамотно, исторически обоснованно позиционируются столь разнообразные и зачастую не похожие друг на друга российские регионы. Нам неизвестны случаи целенаправленной работы и по формированию позитивного имиджа России в целом, который отвечал бы ее стратегическим задачам по реализации национальной идеи. Да и сама национальная идея нашего государства до сих пор является не очевидной, несмотря на обилие ее формулировок.

Мотивация необходимости осмысления и выработки культурной миссии диктуется стремлением достичь устойчивой положительной динамики развития регионов; наращивания их стратегического потенциала, что, в свою очередь, является условием нерушимости российской государственности. Миссия способствует единению регионального сообщества, развития региональной культурной идентичности за счет того, что делает ясными для населения общую цель, историко-культурное предназначение региона, выражает философию, принципы, ценностные ориентиры ре-

гионального самосознания. Необходимость осмысления и формулировки культурной миссии в настоящем обеспечивает допустимые границы маневрирования, более действенное управление социокультурной сферой регионов, поскольку является базой для разработки целей, их единства и непротиворечивости, вектора развития. Но, главное: понимание миссии определяет для каждого жителя того или иного региона, соотносящего себя со своей «малой родиной», смысл и содержание его деятельности, которые можно выразить поговоркой: «Где родился — там и пригодился». В целом миссия выражает устремленность в будущее, показывая, на что будут направляться народные усилия и какие ценности при этом будут приоритетными.

При этом важно помнить, что диалектическое единство региональной страте-

гии Российской Федерации заключается в объективном соотношении *дифференционных* и *интеграционных* процессов, а в качестве *ключевых* цивилизационно-культурных факторов выступают: *преобладание национального (общероссийского) самосознания* над этническим и локальным у значительной части россиян, *культурная общность* и в целом сравнительно слабо выраженный партикуляризм территориальных групп этнических русских.

В начале XXI века и Урал, и Сибирь приходят к новому пониманию своих культурных миссий, мыслимых как возрождение и приумножение региональных и общенациональных интересов России. При этом идея идентификации миссии должна интересовать не только интеллектуальную элиту того или иного региона, но все местное и российское общество.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Стрелецкий В. Н. Этнокультурные предпосылки регионализации России // Регионализация в развитии России: географические процессы и проблемы / Под ред. А. И. Трейвиша и С. С. Артоболевского. М., 2001. С. 18.

² Мурзина И. Я. Феномен региональной культуры: поиск качественных границ и языка описания // Екатеринбург, 2003. С. 29.

³ Новоселов А. Задачи сибирской этнографии // Записки Западно-Сибирского отдела РГО. Т. 38. Омск, 1916. С. 100–101.

⁴ Богословский П. С. О постановке культурно-исторических изучений Урала // Уральское краеведение. Вып. 1. 1927. С. 35–36.

⁵ Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. СПб., 1882. С. 47.

⁶ Чехов А. П. Полн. собр. соч.: В 12 т. М., 1985. Т. 11. С. 20.

⁷ Чехов А. П. Там же. С. 33.

⁸ Корнилов Г. Е. Рабочая семья на Урале в конце XIX — начале XX века: труд, быт, воспитание детей (историко-этнографический экскурс) // Трудовой коллектив и семья. Екатеринбург, 1992. С. 100.

⁹ Лазарев А. И. Тип уральца в изображении русских писателей // Вестник Челябинского ун-та Серия 2. Филология. 1997. № 1. С. 41.

¹⁰ Мамин-Сибиряк Д. Н. Статьи и очерки. Свердловск, 1947. С. 333

¹¹ Блажес В. В. Сатира и юмор в дореволюционном фольклоре рабочих Урала. Свердловск, 1987.

¹² Мурзин А. Э. Советский миф в судьбе Урала. Екатеринбург, 2004. С. 242.

G. Kazakova

**CULTURAL MISSIONS OF RUSSIA'S REGIONS
(the Urals and Siberia)**

Having joined the Russian state, the Urals became an integral part of Russia, its support. It was the leading concept of the Ural people whose main objective was to serve Russia and its people. Apart from Siberia, which was being colonized at that time but geopolitically was inclining towards the cultural worlds of the Central Asia and striving for autonomy (theory of the «regional divisions» by Potanin G.N. and Yadrintsev N.M.), the Urals took a mission of a clamp of the Fatherland's unbounded body, of its central territories – Central-Volga and Siberian ones. The Urals has become an industrial nucleus in civilizing the agriculture of Russia; the unit of the West and the East.